

Метафора зрительного восприятия в концептуальном поле «Интеллект человека»

Среди диалектных обозначений интеллектуального действия и интеллектуального бессилия в русском языке выделяется обширная группа лексем и фразеологических единиц, внутренняя форма или основное (прямое) значение которых отсылает нас к наивным представлениям носителя языка об освоении мира человеком при помощи зрительной способности. Эти языковые факты можно сгруппировать по моделям, отражающим отдельные аспекты функционирования концепта видения в поле «Интеллект человека». Основной предпосылкой к интерпретации моделей является концептуализация умственного потенциала человека как способности видеть. Вполне естественно при этом ожидать, что «интеллектуальные полюса» (оппозиция *умный* – *глупый*) и два полюса реализации зрительной способности (оппозиция *видящий* – *невидящий*) обнаружат прямое соответствие. В доказательство этого можно представить богатый иллюстративный материал.

Нам привычны такие обозначения глупого, невежественного человека, как *тёмный* ‘невежественный, некультурный; неграмотный’ [ССРЛЯ 15, 257], *темнота* ‘невежество, бескультуре; косность’ [ССРЛЯ 15, 251], а также выражение *светлый ум* ‘ясный, логичный ум’ [ССРЛЯ 13, 343], эксплицирующие представления об интеллектуальной неполноценности как темноте и, соответственно, об уме как светлом пространстве. Диалектный материал значительно расширяет круг подобных обозначений.

Так, диалектные факты *потёмистый* [СРНГ 30, 272], *потёмок* [СРНГ 30, 274], *потёма*, *потёмистый*, *потёмок* [СРГСУ 4, 111], обозначающие глуповатого, необразованного человека, *темь*, *тьма* ‘невежество, неразвитость умственная, неученье’ [Даль 4, 397] включают в себе сему ‘недостаточная световая активность’ и потому, как можно предполагать, содержат презумпцию плохой видимости. Дополняют эту группу лексем выражения *у него в голове еще не прозвездило* ‘глуп’ [Даль 3, 484], *тёмный лес* – *никакого просвета* ‘глупый, тупой’ [ФС, 105]. Ряд слов с корнем *-слеп-* (*ослепение* ‘заблуждение, ослепление; помрачение рассудка’ [СРНГ 24, 25], *слепой*, *слепой*, *слепой* ‘человек недалекого ума, глуповатый’ [Даль 4, 229], *слепой* ‘неграмотный, не умеющий читать и писать’ [СРГСУ 6, 25]) является прямым указанием на наличие представлений о том, что *быть глупым* значит *не видеть*, и позволяет обнаружить основание для возникновения переноса *глупый* – *темный*: в темноте человек не видит, он *слеп*.

На фоне представленного в перечисленных выше лексемах мотива 'слепой' не составляет труда интерпретация пенз. диал. *полусвѣтный* 'бестолковый, полоумный' [СРНГ 29, 162]¹⁹ как имеющего внутреннюю форму «наполовину зрячий», поскольку приставка *полу-* обычно ограничивает проявление признака или действия, названного корнем, а лексема *свет* имеет широкое распространение в русских говорах в значении 'зрение' [СРНГ 36, 253]. Более того, именно конструкция *полу- + -свет-* используется в диалектах для наименования пороков зрения: *полусвѣт* и *полусвѣтье* '1) плохое зрение' и '2) одноглазый человек', *полусвѣток* 'одноглазый человек', *полусвѣтый* 'слепой на один глаз' [СРНГ 29, 162], *полусвѣтный* 'одноглазый, кривой' [СРГСУ-Д, 438]. Из этого следует, что лексема *полусвѣтный* своей внутренней формой и семантикой эксплицирует представление *глупый – плохо видящий*.

Внутреннюю форму орл. диал. обозначения глупого человека *дуросвѣт*²⁰ также можно истолковать как «имеющий плохое зрение», поскольку корень *-дур-* легко развивает значение 'плохой', ср. урал. *дұра* 'о чем-либо, не стоящем внимания, бесполезном, плохом' [СРНГ 8, 263], перм. *дұрбень* 'нечто непутевое, дрянь' [СРНГ 8, 265], калуж. *дурной* 'плохой, негодный для употребления' [СРНГ 8, 270].

Перм. диал. *бельмó* 'о плохо соображающем человеке' [СПГ 1, 33] с большой долей вероятности вторично по отношению к *бельмо* 'помутнение роговицы глаза' [Ожегов, 43]. В то же время, появление этого слова, возможно, спровоцировано функционированием в пермских и свердловских говорах лексем *бельмейн* 'бестолочь' [СПГ 1, 32], *бельмés* 'дурак, болван' [СРНГ 2, 237], *бельмёнь* и *бельмёй* 'непонимающий, бестолковый человек' [СРГСУ 1, 41], которые традиционно возводятся к тат. *bilmäs* 'он не будет знать' или тур. *bilmáz* 'несведущий' [Фасмер 1, 149] и не имеют отношения к символике белого цвета. Можно предпологать, что в попытке освоить заимствование носитель говора опирается на совпадение звукового ряда заимствованного и исконного слов и на наличие продуктивной модели *глупый – слепой*: происходит контаминация тюркской по происхождению лексемы и исконного слова *бельмо*.

В качестве мотиватора лексем, обозначающих интеллектуальную неполноценность человека, может выступать лексема *туман*: диал. *стуманиться* 'рехнуться, помешаться, сойти с ума' [Даль 4, 348] и *отуманеть* 'утратить ясность мысли, перестать соображать' [СРНГ 24,

¹⁹ Лингвогеографические пометы даются для лексем, получивших более подробный этимологический комментарий или развернутую интерпретацию в данной работе.

²⁰ См.: Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров): Учебное пособие. Орёл, 1993. С. 23.

346], лит. *туман в голове* 'состояние неясности, неотчетливости мыслей, представлений', *туманить (голову, ум, рассудок, мозг)* 'лишать ясности мысли затемнять сознание', *туманиться* 'утрачивать ясность мысли; мутиться, помрачаться (о рассудке, сознании)' [ССРЛЯ 15, 1122, 1124, 1125] (ср. жарг. угол. *туман* 'тупой, недогадливый человек' [БСЖ, 602]). Непрозрачный воздух выступает здесь как преграда для зрения и, следовательно, как симптом интеллектуального бессилия.

Пск., смол. диал. лексемы *очмуревать* 'терять соображение, обалдевать; сходить с ума', *очмурелый* 'одуревший, потерявший соображение'; *ошмуреть* 'одуреть', *ошмурелый* 'одуревший, обезумевший от страсти, счастья' [СРНГ 25, 70, 93] предположительно производны от *чмур* 'мрак, туман' (ср.: глагол *шмуриться* 'мрачнеть, хмуриться', который М. Фасмер считал производным с экспрессивным *-ш-* от *смурый, пасмурный, хмура* [Фасмер 4, 461]) и потому могут толковаться через признак 'плохо видеть'.

В лексико-семантическом поле «Интеллект человека» наличествует также группа диалектных слов с корнями, восходящими к праслав. **mork-, *myrk-, *merk-*. Среди них, к примеру, *-морок-* (дон. *морочун* 'человек, сведущий в чем-либо, знаток чего-либо; умный, сообразительный человек' [СРНГ 18, 274]), *-мороч-* (орл., смол. *морочиться* 'терять рассудок, ум' [СРНГ 18, 276]), *-мерек-* (влад. *мерёканье* 'раздумывание, размышление' [СРНГ 18, 115]), *-мрак-* (орл. *амрак* 'помрачение рассудка' [СРНГ 23, 205]), *-мрач-* (дон. *амрачиться* 'потерять рассудок, сойти с ума' [СРНГ 23, 205]), *-мерк-* (пск., смол., зап.-брян. *обмерковать* 'обдумать, обсудить' [СРНГ 22, 125]), *-мерёк-* (волог. *мерёкин* 'о долго думающем нерешительном человеке' [СРНГ 18, 115]), *-мерег-* (свердл. *мерёгать* 'думать, размышлять, понимать, соображать' [СРНГ 18, 113]), *-морох-* (сиб. *мороховать* 'понимать' [СРНГ 18, 275]), *-морк-* (пск., смол. *пáморки напали* 'о невменяемости' [СРНГ 25, 185]), *-мрат-* (ворон. *мратный* 'сумасшедший, безумный; со странностями, причудами' [СРНГ 18, 327]), *-морот-* (пск., твер. *обморот* 'о глупом, бестолковом человеке' [СРНГ 22, 135])²¹. Среди них представлены в основном глаголы и субстантивы, редко – прилагательные. «Слова, принадлежащие к этому этимологическому гнезду, обозначают темноту как неустойчивый признак» [ЭССЯ 19, 236] и потому тоже должны быть проинтерпретированы с учетом содержащейся в них имплицитно семы 'плохая видимость'.

В соответствии с выражаемой семантикой можно условно распределить эти языковые единицы на две группы, представляющие противоположные полюса исследуемого поля: «Ум» и «Интеллектуальная неполноценность». Количественная наполненность этих лексических объединений приближи-

²¹ Появление форм на *-мерег-*, *-морох-* и т.п. вызвано нерегулярными фонетическими изменениями (экспрессивным озвончением конечного согласного корня и др.)

тельно равна. Иначе говоря, производные этого корня мы встречаем в качестве обозначений как умственной деятельности, так и глупости.

Положительный полюс «ментальной» семантики объединяет следующие диалектные факты: свердл. *размерэкать(ся)* 'понять, усвоить' [СРГСУ 5, 55]; свердл. *разморóковать* и *разморóковать* 'объяснить, растолковать' [СРГСУ 5, 56]; курск. *пáморок* 'ум, рассудок' [СРНГ 25, 185]; курск., орл. *пáморочи* 'память; сознание; рассудок' [СРНГ 25, 185]; новосиб. *пáморотки* 'рассудок, ум, память' [СРНГ 25, 186]; новг. *обморóковать* 'обсудить, обдумать' [СРНГ 22, 134]; тюмен. *морóковатой* и свердл. *морочнóй* 'сообразительный, смысленный' [СРНГ 18, 274/276]; смол., пск. *мёрковать* и *мерковать* 'обдумывать что-либо' [СРНГ 18, 119]; арх., перм., ср.-урал., рост. *морóковать* 'думать, соображать' [СРНГ 18, 274]; свердл. *мерэгать* и *мерэкать* 'думать, размышлять, понимать, соображать' [СРГСУ 2, 126]; вят., Киров., перм. *морóкóситъ* 'понимать, разбираться (немного) в чем-л.; знать, уметь (немного) что-либо' [СРНГ 18, 274]; влад., тобол., том. *мерэкать* '(1) долго, медленно думать над чем-либо; // прикидывать, примеривать в уме; (2) знать немного, кое-что; (3) бестолково объяснять; (4) стремиться показать себя умным; умничать' [СРНГ 18, 115]; курган., костром., ср.-урал. *мерэковать* и *мерековать* 'понимать, разбираться в чем-либо' [СРНГ 18, 115]. Сразу отметим, что анализ семантики этих слов обнаруживает актуальность семы *думающий* в противовес семе *умный*, имеющей здесь меньшую значимость; впоследствии мы вернемся к этому замечанию.

Отрицательный полюс «интеллектуальной» семантики представляют собой следующие диалектные единицы: пск., смол. *морóка*, *мóрок* 'помрачение ума, затмение сознания' [СРНГ 18, 273]; ворон. *морóки ударяют в/на голову* 'наступает помрачение рассудка, выключение сознания' [СРНГ 18, 273]; брян. *пáморочи* 'невменяемость' и *пáморочи хватили* [СРНГ 25, 185]; курск. *забить пáморочи* / *пáморки* / *пáморок* / *пáмороку* 'лишить соображения, памяти, сознания' [СРНГ 25, 185]; краснодар., дон., новосиб. *отбить пáмерки* / *пáморки* / *пáморочи* / *пáморотки* 'лишить, лишиться памяти, способности соображать' [СРНГ 24, 116]; пск., твер. *морóк* 'несерьезный, легкомысленный человек; бестолковый человек, повеса' [СРНГ 18, 273]; вят. *помрачэнье* 'потеря рассудка, сумасшествие' [СРНГ 29, 231]²².

²² Ср. сиб. *мерикóлия* '1) меланхолия, 2) потеря рассудка, сумасшествие' [СРНГ 18, 118], волог. *мерекóрия* 'задумчивость, меланхолия; помешательство' [СРНГ 18, 115], яросл., забайкал. *меркóрия* 'потеря рассудка, сумасшествие' [СРНГ 18, 120], орл. *меркóлий* 'умственное затмение' [СРНГ 18, 120], камч. *мирикáйло* 'безумие, забытьё' [СРНГ 18, 171]. Симптоматично, что носители говора избавились от «чужести» заимствованного слова *меланхолия*, сближая его с *мрак*. Безусловно, обилие лексем с этим корнем и закрепившейся за ним «интеллектуальной» семантикой сыграло решающую роль.

Наличие упомянутых корней в лексико-семантическом поле «Интеллект» во многом объясняется уже посредством анализа значений слов с указанными корнями, среди которых отчетливо выделяются такие, которые содержат характеристику световой активности. При этом световая характеристика может быть отрицательной (*обмерк* 'время между сумерками и потемками, поздние сумерки' [СРНГ 22, 125]; *мóрох* 'мгла, туман' [СРНГ 18, 275]; *мёркоть* 'сумерки, полумрак, полусвет' [Даль 2, 321] и 'ночь, тьма' [СРНГ 18, 119] и т.п.) или положительной (*мерцать* 'слабо сверкать, сиять бледным либо дрожащим светом; поблескивать, просвечивать, играть искорками, переливом, перемежком' [Даль 2, 321]).

В ЭССЯ находим ссылку на мнение В.Н. Топорова, который считает необходимым реконструировать единое и.-е. гнездо **mer-* для четырех праславянских корней, два из которых имеют поляризованную семантику: 'появление и нарастание световой энергии и соответственно усиление способностей зрительного восприятия' и 'уменьшение световой энергии вплоть до ее исчезновения и соответственно сокращение возможностей зрительного восприятия вплоть до полного его прекращения' [ЭССЯ 21, 135].

Этимологические данные обнажают, таким образом, исходную близость представлений о *глупом* и *думающем*, сложившихся в результате соотношения «интеллектуальных» значений со «световыми» значениями обсуждаемого гнезда с учетом их синкретической природы. Доминантный семантический признак – 'темнота' – явился основой для развития полярных вторичных значений производных рассматриваемого корня. Необъяснимое на первый взгляд противоречие разрешается, если обратить внимание на преобладание глагольной лексики в ряду языковых единиц, объединенных положительно-интеллектуальной семантикой. Эти лексемы предназначены для описания умственной деятельности. Припомним здесь отмеченное выше противопоставление *думающего* (важен процессуальный характер значения) *умному*. *Думающий* представляет собой, с когнитивной точки зрения, промежуточное звено между *глупым* и *умным*. Интеллектуальная деятельность может представляться как пребывание в темном локусе, где *глупый* не видит, а *думающий*, находясь в темноте (как и глупец!), видит проблески света, некое мерцание, то есть он приобщен к двум световым полюсам, в то время как лексема *умный* имеет только коннотацию *светлый*, вообще не касаясь локуса *темноты*. Уже формальный статус рассматриваемых единиц, каждая из которых репрезентирует способность (или ее отсутствие) видеть, позволяет прогнозировать разницу: прилагательные *умный* и *глупый* обозначают статичные по своей природе свойства, а причастие *думающий* сохраняет в семантике динамичность действия. Оно имеет отношение к тьме и к свету, предполагая переход из одной области в другую (*просветление*), не нарушая равновесия между *глупым-темным* и *умным-светлым*. Итак, процесс мышления, умственная деятельность человека концеп-

туализируется в сознании носителя русского языка, в первую очередь, как пребывание в недостаточно освещенном пространстве, а затем как попытка разглядеть что-то в темноте или ожидание неких «световых сигналов». Такова одна из моделей интеллектуального акта: *думать* – *видеть проблески света в темноте*²³.

Эта же модель эксплицируется на базе другого словообразовательного гнезда, которое также содержит лексемы с ментальными значениями, мотивированные особенностями зрительного восприятия мира человеком: морд. *ма́ять* ‘иметь сведения, знать’ [СРГМ, М-Н, 20]; новосиб. *мая́чить* ‘понимать кого-, что-либо’ [СРГНО, 294]; забайкал. *мая́чить* ‘объяснять, растолковывать’ [СГСЗ, 262]; киров. *мая́кать* ‘соображать, раздумывать’ [СРНГ 18, 61]; курск. *мая́чить* ‘думать, предполагать’ [СРНГ 18, 61]; курск. и киров. безличное *ма́ется* ‘думается, представляется, кажется’ [СРНГ 18, 62]; иркут., камч., сиб. *мая́чить* ‘немного понимать, разуметь что-либо’ [СРНГ 18, 62] (ср. жарг. угол. *выйти на маяк* ‘объяснить что-либо кому-либо’ [БСЖ, 344]). Безусловно, «интеллектуальная» семантика здесь вторична. Встает вопрос, на базе какого значения она возникла?

В данном словообразовательном гнезде отчетливо выделяется группа значений, описывающих движение: курск. *ма́яться* ‘шататься, слоняться с места на место’ [СРНГ 18, 61]. Дialeктный глагол *мая́чить* имеет в томских говорах значение ‘бродить без дела’ [СРСГСО-Д 1, 263], в ряз., новг. и перм. означает ‘обладать способностью шевелиться, двигаться, действовать’, в астрах. – ‘идти долго, далеким путем’, во влад., волог., том. говорах – ‘шататься без толку, без дела; проводить время скучно, бестолково’ [СРНГ 18, 62]. Модель *умственная деятельность* – *двигательная активность*, безусловно, продуктивна. Приведем несколько диалектных фактов: арх. *водить в уме* ‘обдумывать, раздумывать, соображать’ [СРНГ 4, 338], арх., астрах. *догна́ть* ‘понять’ [СРНГ 8, 88], влад. *достреми́ться* ‘догадаться, смекнуть’ [СРНГ 8, 149], свердл. *доходи́ть до чего-либо* ‘понимать’ [СРГСУ 1, 138]. Однако характер действия, называемого лексемами из гнезда *-маяк-*, – шататься, бродить без дела – типичен скорее для представлений об интеллектуальном бесилии (ср. обозначения глупого человека, дурака: *бродя́чий* [СГРС 1, 188], *бесту́жый* [СГРС 1, 109], *заблужде́нный* [СРНГ 9, 260]), нежели об умственной деятельности. Поэтому указанная группа значений вряд ли может быть семантическим предшественником значения ‘понимать, соображать, объяснять’ и т.п.

²³ Представителями обсуждаемой модели являются и такие слова как *ясни́ть* ‘объяснять, растолковывать’, *промелькнула / вспыхнула мысль*, *мысли прояснели, разъяснить*. Они подразумевают наличие имплицитного компонента «плохая видимость» и содержат в себе либо идею мерцания, либо преодоления темноты.

Более приемлемой в качестве исходного пункта для возникновения ментальных значений представляется сема 'виднеться', актуализированная в процессе исторического развития семантики лексем анализируемого гнезда: диал. краснаяр. *маяченье* 'видение' [СРГСРКК, 166], краснаяр., новосиб. *маячить* 'казаться, мерещиться, чудиться' [СРГСРКК, 166; СРГНО, 294], забайкал. *мáячить* 'высматривать' [СРНГ 18, 62], курск. и том. *маячиться* 'мерещиться, казаться' [СРНГ 18, 62]. Вообще *маяк* – это, прежде всего, хорошо *видимый* объект, выполняющий знаковую функцию.

Приведенный лексический материал восходит к праслав. *majati, для которого предлагается считать исходной семантику 'двигаться, двигаться туда-сюда' с дальнейшим преобразованием в 'делать знаки, махать рукой' > 'кивать, качать' > 'мелькать, мельтешить' > 'виднеться', 'мерещиться, казаться' [ЭССЯ 17, 134].

Конечная ступень этой цепочки, вероятно, и явилась отправной для возникновения значений типа 'думать, соображать, понимать', что отсылает нас к модели *думать – видеть*.

Неожиданным, в таком случае, может показаться наличие в сибирских говорах такого обозначения бестолкового, ничего не понимающего человека, как *маяк* [СРГНО, 294; СРНГ 18, 61]. Мы видим здесь несколько возможных интерпретаций.

Это слово может являться результатом семантического переноса *чучело – дурак*, так как в новосибирских говорах, например, у этой лексемы наличествуют оба значения: *маяк* '1) пугало, чучело, которое ставят в огороде для отпугивания птиц, 2) перен. о бестолковом, ни на что не годном человеке' [СРГНО, 294]. Эта версия кажется еще более справедливой, если мы вспомним выражение *чучело гороховое* 'о том, кто представляет себя в смешном или глупом виде' [Ожегов, 890].

Однако приведенный в словарной статье контекст, иллюстрирующий новосиб. диал. *маяк*, хранит свидетельства актуальности для носителя говора коннотации 'молчать': «...ему говоришь, а он, как маяк, молчит, стоит, как маяк» [СРГНО, 294]. Кроме того, зафиксировано сиб. диал. *маяк* 'человек, молчащий и ничего не понимающий' [СРНГ 18, 61], где упомянутая коннотация является семей, поскольку входит в лексическое значение слова. Ввиду столь настойчивого внимания информанта к данному признаку, становится сомнительно, что это случайность; кроме того, признак 'молчащий' «непрезентабелен» для понятия *огородное чучело* даже на уровне наивных представлений. Предположим, что значение 'ничего не понимающий человек' у обсуждаемого слова возникло автономно от значения 'огородное чучело'.

Сопутствующий значению 'отрицательная характеристика человека по интеллекту' признак 'неспособность к вербальному общению' у существительного *маяк* заставляет нас вспомнить о наличии в соответствующем этимолого-словообразовательном гнезде производных со значениями, отрицательно характеризующими человека по речи. Например, перм. диал. *маячить* '1) помогать жестами в разговоре, 2) говорить непонятно, бестолково' [АС 3(1), 67] и забайкал. диал. *маяжать* 'объяснять что-либо знаками, жестами; жестикулировать' [СГСЗ, 262] позволяют предположить развитие значений по схеме 'делать знаки, жестикулировать' > 'помогать жестами в разговоре' > 'говорить бестолково'. Между тем, модель *глупец* – *тот, кто плохо говорит, бормочет* выявляется на основании достаточно большого числа языковых единиц: например, *кутуй* [СРГСУ-Д, 275] является обозначением не только бестолкового, но и неразборчиво говорящего человека. Кроме того, выделяется целая группа звукоподражательных слов, отрицательно характеризующих человека по интеллекту и одновременно по особенностям речи: *алатуй* и *алалы́ка* [СРНГ 1, 230], *ляля* [СРНГ 17, 253], *гага* [СРНГ 6, 86], *бурбон* [СРНГ 3, 282], *бараболка* [СРНГ 2, 101], *нюгайдун* [СРНГ 21, 326], *лепесты́ка* [СРНГ 16, 361] и др. Под давлением этого лексического пласта могло появиться слово *маяк* 'бестолковый человек', если для носителя говора актуальна связь внутренней формы слова *маяк* 'бестолковый человек' с глагольной семантикой *маячить* 'непонятно говорить'.

Хотелось бы заметить, что модель *глупый* – *выделяющийся на общем фоне, торчащий (приторчен)* 'болван, глупый невежа' [Даль 3, 453] и др.), возможно, также оказала если не прямое, то хотя бы косвенное влияние на появление у лексемы *маяк* значения 'бестолковый человек'. Известно, что маяком в диалектах часто называют различные объекты, которые заметны благодаря своей высоте: волж. диал. *мая́к* 'высокий бугор', иркут. диал. *мая́к* 'вершина холма' [СРНГ 18, 61]. Твер. диал. *маячиться* 'поднимаясь на цыпочки, стараться возвыситься над окружающим' [СРНГ 18, 62] – пример актуализации семы 'выделяться на общем фоне'. Вообще мы уже неоднократно отмечали, что внутри столь богатого различными моделями концептуального поля заведомо часто будет встречаться перехлест, наложение, взаимовлияние моделей.

Итак, наличие в говорах лексемы *маяк* 'бестолковый человек' не опровергает факт существования модели *думать* – *видеть*, несмотря на то, что внутренняя форма слова, казалось бы, отсылает нас к словообразовательному гнезду с семантикой 'виднеться', к которой данное слово если и причастно, то не в том смысле, как это произошло со словами типа киров. *мая́кать* 'соображать, раздумывать' [СРНГ 18, 61], а в развороте *глупый* – *видный, заметный*. Две другие возможные интерпре-

тации вообще уводят нас от концепции видения: искомое значение об-суждаемого слова может трактоваться как семантический перенос с другого значения этого слова – *чучело* – *дурак* – или как результат пре-образования глагольной семантики от *делать знаки* до *плохо говорить* с последующим типичным переносом *бормочущий* – *дурак*.

Соответствие *думать* – *видеть* наблюдается и словах *видок* ‘тот, кто видит и понимает больше и лучше других; прозорливый человек’ [СРНГ 4, 276]; *взорный* ‘догадливый’ [СРНГ 4, 267] (ср. *мысленный взгляд*), внутренняя форма которых содержит указание на хорошо развитую зрительную способность.

В рамках оппозиции *умный* – *видящий* и *глупый* – *невидящий* следу-ет рассматривать также метафоры света и цвета. В выражении положи-тельно-интеллектуальной семантики участвуют наряду с указанным в начале статьи корнем *-свет-* (*светлая голова*) также корни *-бел-* и *-дён-*. Амур. диал. *дённый*²⁴ ‘рассудительный, толковый’ [СРНГ 7, 352] появи-лось, как можно предположить, на базе слова *день*, означающего в наив-ной картине мира *светлое* время суток. Пск. диал. *бёлый* ‘образованный, культурный’ подано в словаре с контекстом, обнажающим полярность концептуализации белого и серого цвета: «Нарёт, гаваріть, телёрь бёлый, ранышэ были сэрые» [ПОС 1, 168]. Безусловно, серый цвет здесь является полным «концептуальным» аналогом *темноты*: новосиб. диал. из *сёрых сёрый* ‘самый темный, отсталый’ [ФСРС, 177], новг. *сёрое нарэчие* ‘без-грамотные’ и *серяк* ‘необразованный’ [НОС 10, 47]. На этом иллюстра-тивном материале выявляются модели: *умный* – *светлый, образованный* – *белый, глупый* – *серый*.

По модели *глупый* – *серый* можно толковать и диал. новг. *полубёлая* ‘глупая, дурочка’ [НОС 8, 96], а также калин., яросл., костром., волог. *полубёлый*²⁵ ‘глупый, придурковатый’ [СРНГ 29, 136]. Цветовая харак-теристика *белый*, запечатленная в их внутренней форме, принадлежит к

²⁴ Лексема *дённый* формально может быть производна от *дно* с мотивировочным призна-ком «глубокий», ср. енис., перм., том. *денной* и *дённый* ‘донный, находящийся на дне’ [СРНГ 7, 352]. Однако анализ массива диалектных обозначений ума и умного человека не выявляет наивно-языковых представлений об уме как объекте, имеющем глубину. В литературном языке эта связь представлена только на уровне синтагматики: *глубина мысли* [ССРЛЯ 3, 143] и *глубокомысленный* ‘высказывающий глубокие мысли; вдум-чивый, проникательный’ [ССРЛЯ 3, 147], *глубокие размышления* [ССРЛЯ 3, 146]; *глубо-кий мыслитель* и *глубокие знания, сведения* [ССРЛЯ 3, 147].

²⁵ Иное истолкование (*по-лубелый* от *луб*) см.: Рут М.Э. Русское диалектное *полубелый* ‘сумасшедший, ненормальный’ // Русская диалектная этимология: Тез. докл. межвуз. науч. конф. (10–12 октября 1991 года). Свердловск, 1991. С. 34–35. Предложенная ис-следовательницей гипотеза не лишена оснований, но не снимает возможности предла-гаемой нами «цветовой» версии.

обозначениям светлых тонов (*белый* является, вероятно, образцово-светлым в наивной картине мира) и потому участвует в концептуализации положительной оценки интеллекта человека, поскольку *думать* значит *видеть*. Приставка *полу-* ‘наполовину’ очень характерна для лексико-семантической группы «Интеллектуальная неполноценность человека», так же, как, например, приставка *без-*. Если префикс *без-* несет значение ‘лишительности», то *полу-* призвано ограничивать проявление признака, названного корневой морфемой. Сочетание семантики приставки и корня дает нам ожидаемое цветовое значение ‘нечисто белый, грязно-белый’, то есть ‘серый’, явившееся семантическим предшественником значения ‘глупый человек’. Дополнительным аргументом в пользу нашего предположения является новг. диал. *полубелый* ‘что-то серое, промежуточное между белым и черным’ [НОС 8, 96].

Другой вариант интерпретации представляет собой расшифровка *полубелый* как «полу-дурок» (по аналогии со свердл. *полуглупка* ‘глупый, придурковатый человек’ [СРНГ 29, 140], забайкал. *полушáлок* ‘об умственно отсталом человеке’ [СРНГ 29, 171]) поскольку корень *-бел-* в обсуждаемом слове может трактоваться и как выражающий семантику ‘глупый’ (ср. перм. диал. *бэлька* ‘о глупом человеке’ [СПГ 1, 32]). Однако нас останавливает единичность фиксации пермского слова, несоответствие по региону распространения сопоставляемых лексем и отсутствие фиксации **полубелька*.

Перм. диал. *бэлька* ‘о глупом человеке’ [СПГ 1, 32], а также арх. *белоку́пый* ‘в высшей степени глупый, «дикарь»’ [СРНГ 2, 221], орл. *дуросвет* ‘глупый человек, дурак’²⁶ и ряз. *колосветиться* ‘дурачиться, валять дурака’ [СРНГ 14, 174], казалось бы, нарушают столь ясное равновесие концептуализации умного через светлое, а глупого через темное. Все они имеют в своей внутренней форме компонент «свет» или «белый цвет» и при этом отрицательно характеризуют человека по интеллекту. Ранее же рассуждение строилось так, будто на «освоение» положительных световых характеристик имеет своего рода приоритет как раз противоположный полюс изучаемого поля (*ум*). При совпадении мотиваторов (*белый, светлый*) слов этого ряда нет уверенности в существовании некой общности в их мотивации.

Т.В. Бахвалова упоминает в своей монографии лексему *дуросвет* как обозначение глупого человека, зафиксированное в орловских говорах: «Вторая часть в сложных словах *дуросвет* и *дуропяс*, формально похожая на корень, утратила семантическую связь с производящим словом и по своим свойствам стала похожа на суффиксоид»²⁷. Это отчасти

²⁶ Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка. С. 23.

²⁷ Там же. С. 24.

справедливо, но, учитывая то, что в русских говорах наличествуют слова, включающие в себя ту же морфему и при этом являющиеся обозначениями глупого человека, корень *-свет-* в этом слове все же требует осмысления. Очень привлекательна интерпретация его внутренней формы в виде «дурно (плохо) видящий», уже обозначенная нами выше.

Однако нельзя оставить без внимания брян., влад., орл., курск. *дуросвет* 'обманщик, мошенник, шарлатан; бездельник, лентяй' [СРНГ 8, 272]. Оценка пакета информации, лежащего в этом толковании, дает немного. Наверняка можно сказать только то, что значение 'обманщик' категорически не может быть семантическим предшественником значения 'глупый человек', а вот 'бездельник' может спровоцировать появление этого значения по аналогии с обозначениями дурака типа смол. *досу́жий* [СРНГ 8, 150], волог. *безделѣжный* [СРНГ 2, 187] и др.

Все перечисленные значения рассматриваемого существительного как нельзя лучше согласуются с семантикой ворон. диал. глагола *дуросветить* '(1) дурить, дурачиться; (2) притворяться (простоком, больным и т.п.); дурачить, обманывать' [СРНГ 8, 272], от которого, по-видимому, и является производным субстантив *дуросвет*. Если задаться вопросом о мотивации глагола, то следует исходить из того, что корневая морфема *-свет-* способна развивать значения, связанные с особенностями зрительного восприятия. Тогда можно предложить читать его внутреннюю форму следующим образом – «выказывать себя дураком». Она схематично отражает суть значения 'дурачиться' и в то же время актуализирует сему 'притворяться', которая и легла в основу значения 'обманывать'. В ситуации, когда поле «Глупость» выполнило «донорскую» функцию, предоставив «свою» лексему для образования слова из другой (пусть даже близкой) семантической области, вполне возможно возвращение лексемы с корнем *-дур-*, «родным», исконным для лексико-семантического поля «Интеллектуальная неполноценность человека», в «свое» лексическое пространство: *-дур-* → *дуросветить* (с внутренней формой «казаться дураком») 'дурачиться; притворяться' → *дуросвет* 'обманщик; бездельник' и 'глупый человек'. Этому способствует к тому же формальное сходство с рядом лексем, обозначающих дурака: *дурохлѡп*, *дуролѡмина*, *дуролѡпа* [СРНГ 8, 272].

Но нельзя отвергать возможность иного направления семантических изменений в этой группе слов: *дуросвет* (с мотивацией «плохо видящий») 'глупый человек' → *дуросветить* (с мотивацией «казаться дураком») 'дурачиться; притворяться' → *дуросвет* 'обманщик'. Такое развите семантики кажется нам более вероятным.

Корень *-свет-* присутствует также в композите *колосветиться* 'дурачиться, валять дурака'. Эта лексема находится на дальней периферии

лексико-семантического поля «Интеллект», поскольку не является отрицательной характеристикой человека по умственным способностям, но все же слово *дурачиться*, фигурирующее в толковании, имеет мотиватор «дурак» и опосредованно – через значения ‘развлекаться, шутить’, ‘делать глупости’ – все же означает ‘вести себя неразумно’, ‘вести себя подобно дураку’. В этимологических словарях искомое слово отсутствует. В рязанских говорах обнаруживаются слова: *колосвѣтитъ* ‘вызывать смуту, раздор; баламутить’, *колосвѣтитъся* ‘беспокоиться, суетиться без толку’, *колосвѣтка* ‘о беспокойной, суетливой женщине’, *колосвѣтный* ‘суетливый, беспокойный’ [СРНГ 14, 174].

Отталкиваясь от описанной ранее семантики корня *-свет-*, мы можем высказать лишь робкое предположение о том, что внутренняя форма этого слова – «виднѣться около (рядом, вокруг)». Возможно, в ней запечатлено осмысление суеты как мелькания. Тогда мотивационный признак можно реконструировать в форме «мелькать, мельтешить», а интересующее нас значение ‘дурачиться’ вторично по отношению к значению ‘бестолково суетиться’. Если догадка верна, то нужно сделать вывод о непричастности первоначальной корневой семантики к появлению у лексемы значения, косвенно связанного с отрицательной характеристикой человека по интеллекту. Этот пример, скорее, является семантическим свидетельством в пользу существования модели *дурак – суетящийся*, то есть *совершающий бесполезные действия*. Такое решение вопроса оставляет непоколебимыми позиции прямо пропорционального соотношения *ум – свет / глупость – темнота*.

Особняком по отношению к этой оппозиции стоит модель *глупый – прозрѣчный*. Она представлена в урал. диал. *яснотá* ‘глупый поступок, глупые слова’ [СРГСУ 7, 74], где сильна сема ‘видный насквозь’, ср. диал. *ясень* ‘свет’ и *ясно* ‘1) видно, 2) светло’ [НОС 12, 129]. Ощущается семантическая близость слова *яснота* с лексемами *простоумый* ‘простого, не дальнего ума’ [Даль 3, 514], *простотá* ‘глупость’ [Даль 3, 513], также реализующими семы ‘бесхитростный’ и ‘пустой’.

Вторичная семантика цветообозначений тоже приводит к идее пустоты. В частности, речь идет о переносе *белый – пустой*, который можно предположить в арх. диал. *белоку́тый* ‘в высшей степени глупый, «дикарь»’. Так в новг. диал. *белоцвѣт* ‘пустоцвет’ [НОС 1, 48] и *бель* ‘пустое, безлесное, низкое место’ [НОС 1, 49] элемент *белый* означает *пустой*. Вспомним также общелитературное *пробел* ‘1) незаполненное место, отсутствие чего-л. в тексте; пропуск между буквами, словами, строками; 2) перерыв, пропуск в течении, следовании (мыслей, событий, времени); 3) недостаток, упущение, изъян’ [ССРЛЯ 11, 917–918]. Заме-

тим, что корень *-свет-* тоже может участвовать в обозначении семы 'пустой': *светло* 'пусто' [СРГСКРКК, 272].

Корень *-куп-* имеет первоначальную семантику возвышения ('куча', 'гора') [ЭССЯ 13, 108–114], отчетливо заметную в диалектных производных *ку́пник* 'место, покрытое кочками' и 'холмик на месте сгнившего пня' [СРНГ 16, 102]; *ку́почка* 'прием игры в камешки – камешки бросаются кучкой' и *ку́пушек* 'прыщик; бородавка' [СРНГ 16, 104]; костром. *ку́пол* 'небольшой, высокий, круглый островок бора среди болот' [СРНГ 16, 103]; бурят. *куп* 'церковный купол' [СРГС 2, 174] и др.

Корневая морфема *-куп-* может быть обозначением головы человека (простореч. *ку́мпол* 'макушка головы' [Ожегов, 314]). Более того, вполне достаточно семы *верх*, релевантной для этого корня. Обсуждаемое слово обнаруживает сходство с обозначениями глупого человека *пустоколпа́чник*, *пустоголо́вый*, *пустоло́бый* [Даль 3, 541] и особенно *пусто-вѣ́рхий* [Даль 3, 541], которое может считаться ближайшим словообразовательным и семантическим аналогом лексемы *белокупый*.

По версии Ж. Ж. Варбот [устное сообщение], это слово первоначально могло быть обозначением представителей финно-угорских племен, соседствующих с жителями русского севера, с мотивировочным признаком «белоголовый», то есть «светловолосый»; дальнейшее же семантическое развитие объясняется наличием продуктивной в русском языке модели *глупец – представитель чужой нации*.

Обобщая результаты проведенного анализа, можно перечислить обозначенные нами мотивы и модели, реализующие их.

А) *умный – видящий*:

1)	<i>думать</i> – видеть проблески света в темноте,
2)	<i>думать</i> – видеть, смотреть,
3)	<i>умный</i> – светлый,
4)	<i>умный</i> – белый.

Б) *глупый – плохо видящий*:

1)	<i>глупый</i> – слепой,
2)	<i>быть глупым</i> – плохо видеть в темноте или во мраке,
3)	<i>быть глупым</i> – плохо видеть в тумане,
4)	<i>глупый</i> – серый.

В) *глупый – прозрачный*,

Г) *глупый – видный, заметный*.

Таким образом, некоторые участки лексико-семантических полей «Зрение» и «Интеллект» обнаруживают регулярные соответствия на уровне внутренней формы слов с ментальным значением, а также на уровне семантических изменений (в случае полисемии).

Лексико-семантическое поле может объединять в себе фрагменты лексического фонда разных временных эпох. В такой ситуации необходимо присутствуют языковые явления, которые утратили ясность происхождения для современного нам носителя русского языка и потому не могут быть проинтерпретированы без специального изучения. Зачастую семантические связи прослеживаются на уровне этимологии слова, поэтому этимологический анализ занимает свое законное место в когнитивных исследованиях.

Становится очевидной ситуация лингвистической взаимопомощи между разными видами анализов. Так, например, в ситуации трудного выбора между несколькими этимологическими гипотезами решающим фактором становится результат предшествующего концептуального анализа поля, в состав которого входит рассматриваемая лексема.

Ерёмина М.А.

Лексические способы выражения оценки в рамках семантического поля (на материале семантического поля «Лень/праздность» в русских говорах)

В рамках лингвистической теории оценки (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, Э. Сэпир, Р.М. Хэар и др) выделяется следующая структура оценочного акта: объект оценки, субъект оценки, основание для оценки, оценочная шкала, оценочный стереотип. Как правило, данная структура применяется по отношению к рационально-оценочным словам – словам общей оценки (*хороший, плохой*) или частной (*умный, злой, ленивый, верный* и т.п.). Думается, что можно расширить лексический материал, принимая во внимание также лексику экспрессивного характера. От вышеупомянутой группы оценочной лексики ее отличает особая роль компонента ‘эмоциональная оценка’²⁸ и ярко выраженная прагматическая направленность.

Рассмотрим один из элементов оценочной структуры – основание для оценки. Данный компонент соотносится с мотивировочным признаком наименования, определяемым как связующее звено между производящим и производным именем, и может быть рассмотрен с разных сторон. Так, например, в плане содержания он входит как конструктивный элемент в сетку параметров, по которым оценивается то или иное понятие. В данной работе угол зрения будет ограничен особенностями выражения основания для оценки, что предполагает обнаружение ценностных эквивалентов, которыми ре-

---

²⁸ См.: Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986. С. 38.